

Е.П. Педчак

А. Фет. «Шепот, робкое дыханье...»

Это одно из самых своеобразных произведений поэта, в котором его индивидуальность проявилась особенно ярко.

Оно не раз давало повод и для восторгов, и для иронических усмешек. В нем всего 12 строк.

Слишком простую и одновременно до дерзости необычную форму этого стихотворения (перечисление через запятую впечатлений лирического героя) можно расценить как вызов. Действительно, в ответ на появление стихотворения на Фета посыпались острые и меткие пародии. В сатирическом задоре предполагалось даже, что оно не проиграет, если напечатать его в обратном порядке — с конца, поскольку в нем нет ни одной точки. С другой стороны, нельзя было не признать, что поэт блестяще добивается своей цели — колоритного изображения ночной природы, передачи насыщенного, напряженного человеческого чувства, ощущения органического единства души человека и природы.

Попробуем определить, как Фет добивается, чтобы каждое выражение стало «картинной», как он достигает впечатления сиюминутности происходящего и, несмотря на отсутствие глаголов, — внутреннего движения в стихотворении, развития действия.

С точки зрения грамматики стихотворение представляет одно восклицательное предложение, проходящее через все три строфы. Но дробное перечисление через запятую, которое может показаться главным двигателем в развитии переживания, на самом деле лишь внешний «механизм» действия.

Главный двигатель, — в смысловом развитии темы, которое основывается на соотношении двух рядов — человеческого и природного.

Робкая завязка в сцене свидания сопровождается первыми по впечатлению, возникающими вблизи от места действия неброскими деталями ночного мира:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...

Во второй строфе взгляд поэта захватывает более крупные, дальние и в то же время обобщенные, более неопределенные образы. Эти изменения тут же отражаются на деталях изображения человека — туманных, расплывчатых:

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица...

В заключительных четырех строчках конкретность изображения и ее обобщенность сливаются, создавая впечатление огромности, объемности мира (в поле зрения поэта — небо, охваченное зарей). Состояние же человека само по себе делается одной из деталей этого мира, органически входит в него, наполняясь его общим содержанием:

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Конечное восклицание «и заря, заря!..» служит как бы замыкающим звеном обоих планов, являясь выражением высшей точки напряжения человеческого чувства и прекраснейшего мгновения в жизни природы.

Взаимопроникновению и внутреннему развитию человеческого и природного рядов в стихотворении соответствует цветовая симфония: от приглушенных, словно разведенных красок («серебро ... ручья», «свет ночной, ночные тени...») — к ярким, контрастным тонам в финале («В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря...»). Эти изменения в живописных средствах фактически выражают течение времени (от ночи к заре), которое грамматически в стихотворении никак не воплощается. Параллельно, постепенно накаляясь, развивается и чувство человека («И лобзания, и слезы, И заря, заря!..»).

Становится очевидным, как неправы были те критики, которые полагали, что суть стихотворения «Шепот, робкое дыханье...» не изменится, если переписать его в обратном порядке — с конца к началу. Они не увидели внутренних закономерностей развития лирической темы, которые определяют построение стихотворения и вообще делают возможным его существование.